

Отзыв
официального оппонента
на диссертацию Дмитрия Александровича Игумнова
«Общественно-политическая полемика на страницах изданий
“Гражданин” и “Новое время” (1894–1904)»,
представленную на соискание учёной степени
кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1 – Отечественная история

История русской общественно-политической мысли рубежа XIX–XX вв. всегда привлекала к себе внимание отечественных исследователей. Но в последние десятилетия рамки её изучения раздвинулись особенно широко. И теперь они охватывают не только споры народников и марксистов, не только кружок «Беседа» и журнал «Освобождение», не только всплеск религиозных и эстетических исканий, но и полемику среди условно «правых» и ещё более условно «консервативных» изданий, близких к тому, что совсем недавно принято было называть «правительственным лагерем». Постепенно в работах, посвящённых публицистике этого времени, не только А.С. Суворин и кн. В.П. Мещерский, но и, к примеру, В.В. Розанов становится фигурой более заметной и значимой, чем В.И. Ульянов...

Разумеется, Д.А. Игумнов не претендует на «открытие» правых публицистов. Посвящённая им литература уже достаточно обширна, и автор диссертации ею неплохо владеет, ссылаясь на труды А.Н. Боханова, Е.А. Диннерштейна, А.С. Карцова, М.М. Леонова, И.В. Лукоянова, Л.П. Макашиной, С.М. Саньковой, Ю.Б. Соловьёва, Д.И. Стогова, В.В. Шелохаева, Н.В. Черниковой и др. Некоторое удивление вызывает лишь отсутствие упоминаний о книге А.В. Репникова «Консервативные модели российской государственности» (М., 2014), а также то, что, ознакомившись с кандидатской диссертацией И.Е. Дронова «Разработка

консервативной концепции развития России в творчестве В.П. Мещерского» (М., 2007) (с. 239), Д.А. Игумнов прошёл мимо выпущенной затем на её основе монографии: Дронов И.Е. Консервативный проект для России: общественно-политические идеи князя В.П. Мещерского. М., 2009.

Вместе с тем Д.А. Игумнов избрал для своей работы очень любопытный и перспективный «диалогический» ракурс – анализ длительной, разносторонней и напряжённой полемики (то прямой, то косвенной) двух, на первый взгляд, близких и вместе с тем совершенно не похожих друг на друга изданий – газеты-журнала «Гражданин» и газеты «Новое время». Д.А. Игумнов выявляет и сравнивает их позиции по ключевым сюжетам, которые выделены исследователем на основе изучения свыше двух с половиной сотен статей разных авторов, а также дневников, воспоминаний и писем (в том числе и из личного фонда А.С. Суворина в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 459)). Конечно, круг источников можно было бы несколько расширить. Так, стоило бы привлечь обширный дневник А.В. Богданович, хранящийся в Российском государственном историческом архиве (ф. 1620) и опубликованный лишь в незначительной своей части. Как известно, генеральша пристально следила за происходившим в столичной журналистике (а с А.С. Сувориным она и вовсе поддерживала доверительные отношения). Впрочем, и собранный Д.А. Игумновым материал представляет прочную основу для оригинальных авторских выводов.

Д.А. Игумнов обстоятельно рассматривает различные интерпретации и оценки на страницах «Гражданина» и «Нового времени» русского и европейского «либерализма» и «консерватизма», исторического пути России от петровских преобразований до эпохи Великих реформ и контрреформ царствования Александра III (с. 26–70), таких институтов, как самодержавие (с. 71–96) и земство (с. 112–137). В диссертации показано, как правыми публицистами рубежа XIX–XX вв. характеризовались дворянство

(с. 139–163), бюрократия (с. 96–112), интеллигенция (с. 163–181), студенчество (с. 181–197), наконец, «народ» в целом (он, правда, почти сливается в авторском изложении с крестьянством) (с. 198–220). Всё это, безусловно, позволяет лучше понять особенности позиции и стиля каждого из анализируемых изданий, а также существовавшую между ними весьма своеобразную конкуренцию.

Как пишет в «Заключении» Д.А. Игумнов, «князь Мещерский сознательно ориентировал свой журнал на публику, разделявшую его убеждения, и декларировал отсутствие страха кому-то не понравиться, получить дурную репутацию в “либеральном” обществе». Но при этом он будто бы даже демонстрировал «готовность к компромиссу» и «стремился найти идейную платформу для отношений со своими противниками». Именно так автор понимает княжеские «рассуждения о “природных либералах”», способных к сближению с «народом» даже вопреки требованиям собственной доктрины (с. 225).

Однако, вероятно, следовало бы чётче оговорить (хотя в тексте диссертации это, конечно же, чувствуется), что главным читателем для кн. Мещерского всегда оставался царь, в какой-то мере – окружение монарха, а уже затем – посетители его салона, искавшие протекции и наставления в хитросплетениях петербургской политики и нуждавшиеся в известном идеологическом камертоне для своей деятельности. Собственно они и составляли «публику, разделявшую убеждения» князя. С этим, очевидно, и были связаны особенности его аргументации: ярко выраженная эмоциональность, апелляция к личным чувствам, к опыту переживания сакрального, к идеалам и образам патриархальной утопии.

Но из этого отнюдь не следовало, будто кн. Мещерский вовсе не испытывал «страха кому-то не понравиться». Только «страх» был связан не с опасением за репутацию в «либеральном обществе». В каком-то смысле, чем хуже она была, тем легче князю было добиваться доверия своей аудитории. А в каких-либо «компромиссах» с «противниками» он едва ли

был сильно заинтересован. Угроза заключалась в другом: оказаться гораздо проще и прямолинейнее представлений царя о задачах, стоявших перед ним и его правительством. Политика Николая II предполагала балансирование между различными группами и тенденциями, позволявшее императору сохранять свободу воли, рук и возможности воздействовать на происходившие в стране процессы. Кн. Мещерский был достаточно искущён, чтобы не понимать этого. Поэтому, подыгрывая симпатиям царя к разного рода пасторальным мотивам, он, желая оставаться на одной волне со своим повелителем, одновременно старался проявлять гибкость (а в чём-то и эклектичность) мысли, не уступавшую императорской. Только так князь мог рассчитывать на роль влиятельного советника-идеолога. И, судя по истории подготовки Манифеста 26 февраля 1903 г., ему это в значительной (хотя и далеко не полной) мере удавалось. Кстати, едва ли не в силу недостатка подобной гибкости данную роль утрачивал К.П. Победоносцев.

Вместе с тем специфика положения кн. Мещерского не могла не отразиться на последовательности его заявлений. Ему всегда хотелось походить на своего знаменитого предка – Н.М. Карамзина. Он к месту и не к месту повторял его формулы – о людях и учреждениях, о дворянстве и самодержавии. Но это лишь придавало фигуре князя черты даже не эпигонства, а какой-то пародии. Всё же Карамзин производил впечатление именно цельностью своих (во многом парадоксальных) убеждений и часто говорил наперекор, тогда как кн. Мещерский пытался теми же словами и под теми же парусами ловить ветер высочайших увлечений.

Суворин находился совершенно в иной ситуации. «Новое время», как пишет Игумнов, действительно «стремилось быть массовой газетой, обращённой к множеству читателей независимо от их идейных симпатий» (с. 225). Если кн. Мещерский мог апеллировать к личным отношениям, то Суворину ничего не оставалось, как опираться на общественное мнение, это

был единственный его ресурс. И не случайно он обращался не к задушевному ощущению, а к логике «национального интереса».

Впрочем, «массовость» «Нового времени» не должна вводить в заблуждение: газета Суворина была с конца 1870-х гг., то есть, по сути, изначально, теснейшим образом связана с петербургской бюрократией, а иногда даже претендовала на то, чтобы являться одним из рупоров правительственной политики. «Новое время» обращалось прежде всего к образованным (интеллигентным) столичным чиновникам. Неудивительно, что оно выступало при этом под знаменем «труда, культуры и прогресса» (с. 225). Поэтому же, в силу ярко выраженного прогрессизма и национализма, едва ли корректно относить его «к изданиям консервативной направленности». Можно согласиться с Д.А. Игумновым, что таковым оно являлось лишь «по своей репутации», да и то преимущественно в левых кругах.

Этим же объяснялось и то, что газеты кн. Мещерского и Суворина, по словам Д.А. Игумнова, «значительно различались вплоть до непримиримости» (с. 222). Прогрессизм пореформенной бюрократии, имевший отчётливые черты технократической утопии, ни мировоззренчески, ни стилистически не сочетался с пасторалью и сакральной метафизикой, в которых кн. Мещерский видел ключ к душе монарха. Попытки «Гражданина» навязать их правительственному аппарату естественно вызвали раздражение у читателей «Нового времени», и полемика редакций ложилась на благодатную и подготовленную почву. Характерно, что писать одновременно и для царя, и для бюрократии на рубеже XIX–XX вв. становилось всё сложнее, если вообще возможно.

Но, как ни странно, при всём при этом, если «Гражданин» и «Новое время» в чём-то и сходились – не ситуативно, как в случае со студенческими беспорядками (с. 188–192), а систематично, так это в критике чиновничества и его «духа», доходившей до антибюрократического пафоса. В конечном счёте и кн. Мещерский (салон которого посещали министры и губернаторы),

и Суворин (в чьей газете публиковали свои сочинения директора департаментов) для сановников империи оставались чужаками – «писателями», нигде не служившими и ни за какое дело или ведомство не отвечавшими. Для того, чтобы влиять на правительственные решения, им требовалось смирить эту самую бюрократию, подчинив её своему учительству и «писательству». По сути, они выступали как типичные представители интеллигенции, и не случайно их отношение к ней нередко было двойственным – ревниво-обличительным, ироничным или даже враждебным, когда речь шла о «разрушительной», «либеральной», оппозиционно настроенной интеллигенции, и вполне сочувственным, если речь шла об интеллигенции «народной», национальной (и собственно формирующей «нацию») или даже «помещичьей».

Помимо прочего, диссертация Д.А. Игумнова убедительно показывает условность, расплывчатость и изменчивость терминологии, привычно употреблявшейся и употребляющейся как в публицистике рубежа XIX–XX вв., так и в позднейшей историографии. Любые попытки дать «строгие», эталонные и однозначные, определения «либерализму» или «консерватизму», «бюрократии» или «интеллигенции», «самодержавию» и «конституции» способны тут только запутать и привести к подмене смыслов. Автор диссертации, как правило, этого избегает. И лишь в разделе, посвящённом тому, что писали в «Гражданине» и в «Новом времени» об интеллигенции, он словно бы пытается примерить к суждениям кн. Мещерского более ранние формулы А.Д. Градовского. Но помнил ли о них князь в 1890-е гг. и был ли он с ними согласен? Так или иначе, во избежание анахронизмов, натяжек и ошибок исследователю приходится всякий раз особо выяснять, что именно подразумевалось под тем или иным выражением в том или ином случае.

При анализе многолетней полемики двух «непримиримых» изданий не менее важно учитывать и собственно исторический, общественно-политический контекст их столкновений. Ведь каждая статья о земстве ли, о

самодержавии, дворянстве или студенческих беспорядках выходила во вполне определённой обстановке, в которой, помимо журналистов, сталкивались и другие лица и группы, с их проектами, интригами и расчётами. И это существенным образом влияло на характер и восприятие тех или иных публичных высказываний. Д.А. Игумнов старается в этом разобраться, привлекая обобщающую литературу (работы С.С. Ольденбурга, А.А. Корнилова, В.В. Леонтовича) и специальные исследования, но получается это не всегда. В итоге в диссертации представлены преимущественно общие и даже отвлечённые рассуждения публицистов на «повторяющиеся темы» (с. 25), а о том, какое именно значение им придавалось в реальной политической борьбе рубежа XIX–XX вв., зачастую остаётся только догадываться.

Несмотря на большой труд, проделанный Д.А. Игумновым, его работа не лишена и досадных недостатков. В ней не раз встречаются опечатки (в том числе и в фамилиях исторических деятелей), не всегда точно указаны названия государственных учреждений, кн. Мещерский представлен как «воспитатель» сыновей Александра II – великих князей Николая и Александра Александровичей (с. 71), хотя в другом месте сказано, что он был другом их юности. Несколько небрежно оформлена «библиография». К примеру, статьи кн. Мещерского, попавшие в раздел «Публицистика, дневники, мемуары», расположены там не под фамилией автора, а в алфавитном порядке по названиям. Как ни странно, в раздел «Историография» не включён целый ряд работ (в том числе зарубежных авторов), о которых говорится во введении к диссертации. Но общего впечатления от диссертации это, конечно же, не меняет. Её результаты отражены Д.А. Игумновым в восьми публикациях (общим объёмом почти в пять авторских листов).

Автореферат Д.А. Игумнова полностью соответствует диссертационному исследованию. Его основные идеи и выводы отражены в опубликованных Д.А. Игумновым статьях.

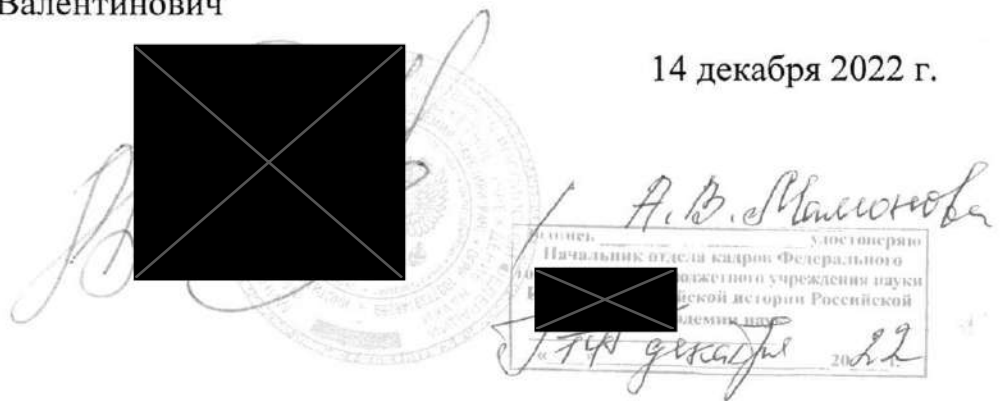
Диссертация Д.А. Игумнова отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1 – Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определённым пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении учёных степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, она оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, Д.А. Игумнов заслуживает присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института российской истории Российской академии наук
Мамонов Андрей Валентинович

14 декабря 2022 г.

Начальник отдела кадров Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института российской истории Российской академии наук

А.В. Мамонов

14 декабря 2022 г.

Контактные данные:

Тел.: +7 (499) 126 94 55; e-mail: culture_iri@mail.ru

Специальность, по которой оппонентом защищена диссертация: 07.00.02 – «Отечественная история».

Адрес места работы: 117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19,

ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук»

Тел.: +7 (499) 723 69 10; e-mail: otech_ist@mail.ru